

КУЧУМ И ЕРМАК: ДВА СЦЕНАРИЯ СИБИРСКОГО ФРОНТИРА, И ИХ ОТРАЖЕНИЕ В СУДЬБАХ МУСУЛЬМАН

А.П. Ярков

Тюменский государственный университет

г. Тюмень, Российская Федерация

ayakov@rambler.ru

Резюме. Мусульмане во фронтире времени Кучума и Ермака выступали как *subjectum*, так и *object* действия. Все зависело от роли, которую им отводили, или которую они сами хотели сыграть в той или иной исторической ситуации. Даже состав противников не выравнивался по религиозному признаку: в дружине Ермака имелись не только православные славяне, но и татары, манси, коми, «литва» и «немцы», а Кучум объединил под знаменами мусульман и «язычников», которые позднее, преследуя свои интересы, отказались от борьбы, предпочитая оказаться под властью «иноверцев». И в том и в другом стане имелись люди, движимые не только воинским долгом, но и жадной наживы и авантюрных приключений.

Долгое время в политически неразграниченном, слабо освоенном пространстве Сибири (поле нашего исследования) жили постоянно и / или мигрировали (кочевали), иногда с военной целью, различные группы местных и пришлых мусульман. Сибирские политии (ханство, княжество/ улус) объединяли сторонников архаичных верований («язычников») и мусульман, но ислам так и не стал на этой территории государственной религией. Более определенно можно говорить о месте мусульман в реалиях фронта в процессе вхождения (разновременного и неоднозначного) различных частей Северной Азии (и их населения) в состав государства, из Московского ставшего Российским.

Ключевые слова: XVI век, Сибирь, Ермак и Кучум, мусульмане, фронт.

Для цитирования: Ярков А.П. Кучум и Ермак: два сценария сибирского фронта, и их отражение в судьбах мусульман. *Тюркологические исследования*. 2019; 2(1): 76–92.

Задолго до правления Кучума Сибирь привлекала внимание среднеазиатских ханов. Интерес вновь возник во второй половине XVI в., когда политика стала направлена на поддержку торговли. В тот период правитель Бухары Абдулла вёл борьбу за объединение земель и создание централизованного государства, где ислам идеологически обеспечивал потребности власти. В дальнейшем по мере усиления и расширения этого ханства созданы еще более благоприятные условия для развития связей. Однако они не всегда дружественны: Абдулла пытался отделить от России заволжских ногайцев

(Ногайская Орда катилась к закату). Абдулла по мере сил вмешивался и во внутренние дела Сибири, где активно поддерживал не только миссионерское движение, но и интриги¹, предоставив миссионеров и освободившееся (в какие-то отрезки времени) войско: содержание ориентированной на битвы массы людей внутри собственных границ равносильно политической и экономической катастрофе. Для Кучума же тесный союз с Центральной Азией давал надежду на военно-политическую и идеологическую поддержку, обеспечивал прочность торговых связей. Однако после разгрома поволжских ханств бывшие связи ослабли, оппозиция в Бухаре создала серьезную опасность, а расширение деятельности миссионеров привело недовольству части сибирского населения [1, с. 250]. Однако Москва, несмотря на своевременную уплату дани, усилила продвижение на восток, а русские купцы и промышленники в тот период все чаще проникали вглубь Сибири. В основе этого лежали многие причины, в т. ч. экономические.

Расширение границ Русского государства за счет присоединения к нему поволжских ханств привело к тому, что «цепь татарских юртов, простиравшаяся от Крыма до Сибири, была навсегда разорвана» [2, с. 89].

В широком смысле две личности – Кучум (Кучум бен Муртаза) и атаман Ермак / Юрмак / Ермолай (Ермак Тимофеев/ич) в аспектах исторической памяти оцениваются как символы двух сценариев фронта, противоположных миров и ментальностей, религиозно-политического и военно-технического соперничества. Характерна легенда об отчаянии Кучума, потерявшего в бою дружину: «О, Аллах, видишь ли ты, что не сам не сам отдал я Сибирь, а взял у меня ее Ермак!» [3, с. 54].

Одновременно история противостояния символизирует и продолжавшуюся в XVI в. историю взаимоотношений Европы и Азии, что базируется и на разности природно-хозяйственных типов. Данное пространство стало ареной важнейших для Европы и Азии процессов, олицетворением которых стали два человека.

О Кучуме и Ермаке довольно сложно говорить в категориях прогрессивных или реакционных явлений, однако этих деятелей представляется возможным сопоставить по типологии ролей, которые каждый из них сыграл в истории края².

Согласно положениям синергетики, иные личности с активной жизненной позицией при определенных обстоятельствах порождают *другую* историю, определяя весь дальнейший ход событий [4, с. 50]. Однако появление личности на историческом горизонте обязательно связано с предшествующим периодом ее развития в конкретном, специфически устроенном социуме, обстоятельствами эпохи и взаимоотношениями с другими личностями. При этом участие личности в происходящих событиях может быть прямым или

¹ Причины двойственной политики понятны: в первой половине XVI в. Тайбугиды и Шибаниды вели междоусобную борьбу.

² Известно, что различают следующие роли: по степени новаторства; по наличию или отсутствию выбора; по характеру совершенных действий – индивидуальных или согласованных с государственной идеологией и т. д.

опосредованным, а память о ней короткой или многовековой. Становится очевидным, что иные личности после своего ухода превращались в мифы и культурные герои [5, с. 139]. Немногие имена сохранялись в текстах летописей и шежере (сачара), а остальная (основная!) часть населения оставила после себя лишь прах и короткую память потомков.

Кучум и Ермак схожи по харизме и таинственности происхождения. Пришедшие завоевать край, они остаются объединяющим и, одновременно, разделяющим «рубежом» для многих сибиряков¹. В этом отношении интересна интерпретация событий, отраженная в предании: «"Да!" – начал меланхолически полуслепой сухой старик, казавшийся тенью, вышедшей из могилы, осененной столетними березами, – да, не хотел царь Кучум стариков слушать ... не хотел и погубил свое царство ... Бежал к нему Ермак, от русского царя бежал...» [6, с. 29]. В какой-то мере этот феномен нашел объяснение: «...когда система оказывается на распутье, в ее организованном хаосе начинают проглядывать альтернативные траектории эволюции, тут открывается поприще для исторических деятелей – делателей истории» [7, с. 19]. Остается задача: объяснить логику поступков людей, отдаленных от нас не только веками, но также иной системой духовно-нравственных координат и мерилom определения субъекта.

Кучум объединил подданных в согласованное сообщество. У него, как и у Ермака, очевидно стремление к личным заслугам, обеспечивающим дальнейшее благополучие. Но если для Кучума обретаемое пространство равнозначно сохранению старого (династийное право на наследие), то для второго – приобретению нового, но для царя².

Ермак и Кучум непримиримы, поскольку их добыча – расширяющееся пространство, от которого зависели ожидания множества людей. Объективно оно не стало принадлежать ни одному из них: от их противоборства зависел лишь выбор путей фронтиров.

На протяжении всего рассматриваемого периода происходила естественная трансформация от монолога (конфронтации) к диалогу, несмотря на то, что за мировоззренческими позициями масс нередко скрывались политические, социальные и экономические интересы элит³. Предполагается, что иные взгляды на место религии в жизни, кроме исламских, также имели право на существование. Традиционный образ неверных в русских источниках при оценке противостоявших сибиряков подразумевал не только мусульман, но и «язычников», сторонников архаичных верований, которых значительно больше в Западной Сибири. Таким образом, противостояние Ермака и

¹ Показателен раскол общества, произошедший при обсуждении вопроса о переименовании г. Ермак в Казахстане в 1990-е гг. или о сооружении в Тюмени памятника атаману в 2000-х гг.

² Ермак, доказано, не претендовал на роль правителя Сибири [8, с. 136].

³ Отметим, что понимание коренными сибиряками «докучумовой» истории сложилось на основе ощущения доисламской категории времени, которое воспринималось как неопределенное, бесконечное, объективно существующее, непрерывное и линейное.

Кучума – это не отражение «войны религий», а образ столкнувшихся на этом пространстве разных миров.

Ошибочно мнение, что царство Кучума являлось «только тенью Казани и Астрахани». Однако стоит признать, что действительно «сибирские ханы в разное время признавали сюзеренитет бухарских или даже казанских ханов» [9, с. 309]. Время прихода Кучума к власти непростое: поволжские ханства разгромлены, местные беки и князья, пользуясь нестабильностью, не хотели подчиняться пришлому хану. Тем более что некоторые источники сообщают, что первоначально власть хана распространена только до устья Туры¹. В улусах, прилегающих к Цынги(Чимги)-Туре, позиции местной знати сильнее, и, чтобы укрепить свое положение, новый правитель раздавал угоды князьям, мурзам, карачи и др.

Кучуму удалось не только преференциями, но и репрессиями, принуждением, подчинить местную элиту и, взойдя на престол, вести активную политику по расширению границ государства, не обращая внимания на профессиональную принадлежность противника. Вера «не мешала» мусульманам воевать друг с другом. Так, с помощью пришедших из Бухары и местных наемников (их содержание возлагал на князей и мурз) Кучум воевал с казахскими племенами [11, с. 63].

Как заметил С.А. Чернышов: «...дискуссия о границах Сибирского ханства сводится к решению вопроса о том, что считать территорией этого политического объединения – земли и податное население, непосредственно подчиняющиеся хану, или все податные единицы (например, югорские княжества) и их правителей, связанных с ханом вассальными отношениями» [12, с. 110]. Действительно, южные границы ханства терялись в степных даях. Казахские кочевые группы периодически появлялись в верховьях Тобола, Иртыша и Ишима [13, с. 131] и захватывали приишимские улусы. Большая часть Барабинской степи – в составе владений Кучума, а городок Тонтур – ставка его наместника – мурзы Тарлава. Стремясь обезопасить свои границы, хан приказал устроить в верховьях Иртыша городок-крепость Кипа-Кулары (Казанцы, Йери).

Восточная граница доходила до Оми и почти до левого берега Оби. Чаты, проживавшие по левому берегу Оби, находились в определенной зависимости от ханства, но, по-видимому, это были не подданные, а союзники. Хотя имеются сведения, о том, что угры платили ясак Кучуму, стремившемуся распространить среди них ислам [14, с. 43]. Восточный сосед ханства, состоявший с ним в унии – племенное объединение нарымских селькупов, названное русскими Пегой Ордой [15, с. 128], осталось в «язычестве».

На этом «фоне» С.С. Тихонов посчитал, что: «...для точного определения границ ханства Кучума необходимо определить, что значит термин "граница территории". В современной понимании это рубеж, маркированный каким-то образом ..., линия, отделяющая одно смежное владение от другого. <...> Однако в то время границы не были маркированы как современные,

¹ Есть мнение, что наименование «Тюменский и Сибирский хан» отражает двухсоставное государство [10, с. 143].

поэтому ее можно проводить либо по линии, соединяющей крайние населенные пункты с принадлежащими им территориями, либо по границам влияния/владения (?) государственного образования, которое могло быть значительно большим по территории...» [16, с. 105].

В этой связи, заметим: для определения постоянно трансформировавшегося в XVI–XVII вв. политического пространства, А.Ю. Быков ввел понятие «пульсирующее образование» [17, с. 53].

Среди населения ханства шли активные процессы, в т. ч. «подстегиваемые» переселением лишь недавно обращенных в ислам казахов [18, с. 207], а также имевших большой религиозный опыт бухарцев. Это способствовало консолидации. И это не уникальное явление в мировом или региональном масштабе: можно предположить, что причинами стали не только хозяйственно-экономический уклад и потребность в объединении, но и принятие большей частью населения ислама как идеологии¹.

Эта же религия стала одним из факторов, активизировавшим, с помощью Кучума и миссионеров, этнокультурные процессы, нейтрализовав противников (из оставшихся Тайбугидов).

Допускаем, что одной из причин миграции тюрков из Поволжья стал религиозный фактор, вернее – давление со стороны воевод и православных миссионеров. В тот период сибирский хан вместе с ногайскими правителями претендовал на власть над башкирами [19, с. 450] и, соответственно, приглашал поволжских единоверцев [20, с. 388–394].

В территориальных претензиях ханству не уступало государство с концепцией «Москва – третий Рим». Поэтому в мае 1574 г. Иван IV грамотой пожаловал в вотчину Строгановым все земли по рекам Лозьве, Тавде и Тоболу, что составляло половину территории Сибирского ханства. Промышленникам на 20 лет предоставлены льготы на все подати в царскую казну. Передавая эти земли, царь, по сути, юридически подчеркивал, что они являются владениями его вассальных князей Тайбугидов, а Кучум, якобы, правит незаконно. К тому же (в понимании царя) эти земли подходили под понятие «пустых»: «...на том месте пашни не пахиваны и дворы деи не ставали, и в мою деи цареву и великого князя казну с того места пошлина никакая не бывала, и ныне не отданы никому...» [21, с. 168].

Решение царя могло быть спровоцировано походом 1573 г. под руководством Маметкула (Мохаммад-Кули) – племянника Кучума – на Великую Пермь, что привело к разрыву отношений с Москвой: «...пришедшу ратью на Пермь Великую, Маметкул ... города и повости пограбил и пожег». По другой версии Маметкул не дошел до Перми, а пограбил окрестности: «...с Тобола де приходил ... Маметкул, собрався с ратью, дорог проведывати, куда идти ратью в Пермь, да многих де наших данных остяков побили, а жены их и дети в поло повели» [22, с. 332].

Для «ответа» на «вызов» Кучума у царя уже были Строгановы с их «интересом». Следует учесть, что авторы Строгановской летописи, в отличие

¹ Необходимо признать, что многие аборигены Сибири, ведущие кочевой образ жизни, не имели в своем «мировоззренческом арсенале» такой консолидирующей идеи.

от иных источников, мотивировали движение на восток постоянной агрессией ногаев и сибиряков [23, с. 2–8], чем обосновали возможный военный «ответ». Предположительно в августе-сентябре 1582 г. Строгановы отправили на восток 540 (или более) «воев»¹. Заметим особо, что в отличие от православных, имевшиеся в отряде «инославные» обходились без духовных наставников, но, приняв присягу, все они исполняли воинский долг.

Сражение, определившее судьбу евразийского пространства в контексте конфликта двух сценариев фронта, произошло 23 октября 1582 г. Часть войск под руководством Маметкула заняла позиции на низком берегу Иртыша, надеясь остановить отряд Ермака на подступах к столице. Из описания битвы на Потчевашском мысу следует, что ермаковцы держались с Божьей помощью и потому «...одолели приносивших жертвы да проповедовавших язычество безбожных бусурман» [24, с. 73].

Кучум готовился прикрыть Маметкула и лично руководил войском, морально вдохновленным молитвой [25, с. 33], после чего занявшего позиции на вершине мыса. Однако огнестрельное оружие вновь помогло дружине.

На другой день, 24 октября, сибирский правитель попытался собрать уцелевших, но его уже покинули хантыйские князья, а на следующий день ушли манси. Маловероятно, что в основе этого «предательства» лежало вероисповедное различие. Скорее всего, князьки просто приняли решение сохранить себя и подданных, а чужой правитель (в результате) стал своим.

Кучум, поняв безысходность создавшегося положения, вернулся в Искер, забрал гарем из жен и наложниц, казну, имущество, скот и в ночь с 25 на 26 октября покинул столицу. Вместе с ханом ушли преданные люди из Потчеваша, Бицик-Туры, Сузгуна [22, с. 231]. Легенды гласят, что и в селениях Саускан и Абалак-тау внезапно тогда распространилась весть: «По Тоболу идут неверные!», и жители, обезумев от страха, бежали в лес, где жили в землянках [26, с. 155].

Ермаковцы готовились взять Искер с боем, но 26 октября вошли уже в опустевшее поселение и нашли добычу: не только меха, но и продовольствие [23, с. 135]. Скорее всего, они увидели в покинутой столице приметы мусульманской культуры, но сомнительно, что стали целенаправленно уничтожать их. Основания для такого предположения есть: бытует мнение, что, завоевав столицу, Ермак рассматривал себя новым беком, а не представителем Строгановых или русским наместником, ссылаясь на то, что беком его признали предводители некоторых угорских и тюркских племен и уделов, которые дали «по своей вере шерть» [25, с. 34]. Сомнительно, однако, что у Ермака и первых российских администраторов был на руках Коран (чтобы клятва стала «законной»), но мулл привлечь для этой важной акции можно было.

Заметим, что и уничтожение святынь в данном случае могло стать побудительной причиной для восстания и нарушения зыбкого равновесия

¹ Именованье всех их казаками условно, хотя с похода Ермака берет отсчет Сибирское казачье войско. Они заимели жалованье, продовольствие и одежду, обеспечились оружием и боеприпасами, получили проводников, знавших сибирский путь, и толмачей, владевших тюркскими и угорскими языками.

сил. Потому маловероятно, что позиция летописей о «низвержении ермаковской дружиной идолов и мечетей» соответствует логике поступков людей конца XVI в., исходя из расстановки сил в XVII в.

Тот факт, что дружина заняла столицу и городки, а с окрестных жителей стала два года подряд собирать ясак, не означал, что ханство перестало существовать [27]. Для жившего долгое время в Степи Кучума (как и его предшественников на сибирском троне) столица – не обязательно поселение. Поэтому откочевал со «своей столицей» – верными людьми – на Омь и в Барабинские степи, где продолжал править и тоже собирать ясак. Заметим, что ясак в тех условиях являлся не только подтверждением политического подчинения и экономического принуждения, но и признаком взаимозависимости двух субъектов, которое не всегда отражено в документах или в устной присяге.

Для Российского государства это время неблагоприятно для сибирского фронта: на западе продолжалась Ливонская война, а крымские ханы, раздосадованные взятием Казани и Астрахани, совершили четыре похода на Москву. Лишь спустя время Иван IV вернулся к активной политике на востоке. Тайбугиды, между тем, начали междоусобную борьбу, а племянник свергнутого в 1563 г. Йадигара Сейдяк двинулся из Бухары в Сибирь, усложнив положение: одни вассалы покидали ставку, а оставшиеся разделены [23, с. 344].

Откочевавший в Степь Кучум собирал силы, вызывая мурз. Стремясь выманить противника, хан распространил слухи о том, что задержал торговый караван бухарцев. Узнав об этом, Ермак на стругах с отрядом в 150 чел. спешно направился вверх по Иртышу. В ночь с 5 на 6 августа 1584 г. близ устья р. Вагай отряд подвергся неожиданному нападению, а раненый Ермак в тяжелом панцире перевернулся на струге и утонул [28, с. 155].

Время Кучума и Ермака нельзя назвать осевым в полном смысле термина, однако этот период очень важен для определения «точки бифуркации» евразийских процессов, учитывая, что внимание к роли этих людей не направлено на легитимизацию прав хана или оправдание действий атамана. Вот почему правление Кучума и появление в крае Ермака можно считать временем смены темпоритма.

Этот период времени в крае ознаменовался явлением двух мировых религий и активной деятельностью их носителей. Возможно, противостояние – лишь «частный эпизод» [29, с. 62], или же отражение межцивилизационной мусульмано-христианской конфронтации, причины которой – в религиозных расхождениях [15, с. 72]? Можно ли предположить, что в XVI в. здесь происходили те события, что подвигли Н.Д. Макиндер отнести и Западную Сибирь к «географической оси истории» [30]?

Особенности исторической периодизации применительно к Западной Сибири (точнее, к древней и средневековой истории Алтая) изложены в работе А.А. Тишкина [31], а К. Ясперс отмечал, что «попытка структурировать историю, делить ее на ряд периодов всегда ведет к грубым упрощениям», однако в своей концепции четырех эпох всемирной истории выделил

«осевое время» (800–200-е гг. до н. э.), когда мир состоял из осевых народов – китайцев, индийцев, иранцев, иудеев и греков. Они сформировали три культуры – индийскую, китайскую и культуру «Восток–Запад», которая позднее разделилась на Запад, Византию и ислам [32, с. 52].

«Осевое время» существовало и в Западной Сибири [33, с. 87–90]. И, хотя существовало тесное общение между различными областями, в XVI в. мировая история «делалась» не в Сибири. Исламские государства стремились стать активными политическими «игроками» в Центральной Азии, а Османская империя даже претендовала на захват европейских земель. Находившееся на периферии исламского мира Сибирское ханство обладало огромными природными ресурсами, но из-за политической и экономической слабости, отсутствия выходов к морю не играло активной роли в евразийской политике. Да и более могущественное Русское государство не нарушало «равновесия» между восточным и западным векторами до тех пор, пока у него не появились территориальные приобретения в Азии, обеспечившие потребность в пушнине для всей Европы.

Кучум подозревал Москву в агрессивных планах и стремился найти опору в Бухарском ханстве, при поддержке которого он пришел к власти в Сибири. Для укрепления связей с Бухарой хан вновь обратился к религии, пригласив глав суфийских орденов и братств шейхов и сейидов «к сибирскому народу для наставления в вере».

Новый импульс приобрели экономические отношения внутри ханства, а также с ближними и дальними соседями. Путь из Европы в Азию через степи, пустыни и далее по Волге не всегда спокоен. Поэтому для поездки в Среднее Поволжье пользовались торговым путем по Иртышу, Тоболу, Туре и Каме. Регион имел торговые отношения с Китаем, Монголией, Хорезмом, Бухарой, Крымом, Кавказом, Ногайской Ордой, Казанским и Казахским ханствами. В силу этого не соответствует реальности мнение: «...в Сибири купечество начало формироваться на рубеже XVII–XVIII вв.» [1, с. 235]

На расширяющихся границах ханства появлялись фортификационные сооружения, в облике Искера все более просматривались черты организованного пространства. Кроме селений, располагавшихся по берегам крупных рек и озер, местные жители начали чаще устраивать городки, пользуясь с помощью уроженцев Центральной Азии, знакомых со строительными технологиями оседлых поселений. Об этом свидетельствуют не только многочисленные археологические находки, но и прозвище «туралинцы», т. е. «городские», которое дали сибирякам их соседи – башкиры и ханты.

При Кучуме в крае начинают развиваться многие формы мусульманской культуры, тем более, что завоевание Казани русскими сопровождалось бегством элиты в более спокойные районы. Фронт «по-кучумовски» расширялся и на запад: после 1557 г. небольшая восточная и северо-восточная части Башкортостана оказались подвластными Сибирскому ханству [34, с. 24]. Это повлияло на укрепление политических, экономических и культурных связей, а также этнических контактов по обе стороны от Уральских гор,

которые в тот отрезок времени выступали «гарантом равновесия» между ханством и Русским государством, олицетворявшими Восток и Запад.

Хан решил использовать изменившуюся расстановку сил на политическом поле Евразии и перестал платить ясак: об этом известно из грамоты Ивана IV 1569 г., в которой царь напоминал сибирскому правителю, что тот обязан исполнять договор [35, с. 63]. В последующие годы хан присылал полную дань, однако внутриазиатские обстоятельства и стратегическое изменение политики Русского государства на границах повлияли на развитие дальнейших отношений.

После разгрома 1581 г. ханты и манси «от Кучумова повеления и раменга отступиша», но это не стало «последней страницей» военных действий и открытого противостояния. После того, как отряд Ермака овладел столицей ханства, а Кучум бежал в сторону р. Ишим, атаман сам принялся налаживать торговые отношения с соседями.

После ухода ермаковцев Искер занял Али – сын Кучума, правивший от его имени. Сложно сказать, почему не сам Кучум: у него имелась достаточно мощная поддержка бывших подданных, позволяя сопротивляться до конца XVI в. Так, по свидетельству русских источников: «А на Уфе на Белой Воложке государь велел город поставити, что беглой из Сибири Кучюм царь, пришед в государеву отчину в Казанский уезд в башкирцы, учел кочевати и ясак со государевых людей з башкирцев, почел был имати» [36, с. 19–20]. П.И. Небольсин отмечал: «Кучум неуступчиво боролся с Ермаком; в этой борьбе он не унижал ни своего сана, ни своего достоинства, ни падал ниц перед покорителем, мстил ему сообразно духу времени, и тайно, и явно, и, наконец, семнадцать лет скитался по степи. Он, в диком величии своем, предпочел лучше пасть под ударами судьбы, но не запятнать себя добровольной передачей перед тем, кого он считал своими притеснителями и врагами...» [37, с. 230].

Ситуация в Сибири беспокоила Абдуллу. Но как ни пытался бухарский правитель убедить Кучума сплотиться с правителями других постзолотоордынских государств, чтобы вести борьбу против «кафиров», хан не внял советам. И его судьба оказалась предрешена: правителем должен стать Сейдяк – сын Йадигара, который за время пребывания в Бухаре стал убежденным мусульманином. Сейдяк отправился с приданными войсками в Сибирь, но за время его пути до Москвы, наконец, дошли известия о гибели Ермака, уходе из края его сподвижников, и о том, что Али снова начал собирать ясак с сибиряков, принявших подданство Москвы [38, с. 76].

В 1587 г. царь снарядил новый отряд. А за год до того дружина под предводительством воеводы В.Б. Сукина, И.Н. Мясного и письменного головы Д.Д. Чулкова уже основала Тюмень, фактически на развалинах Чимги(Цынгги)-Туры. Получив особую грамоту, Д.Д. Чулков заложил вблизи Искера Тобольск – будущий губернский центр, который сохранил административные и политические связи с вассалами, сложившиеся при Кучуме. В связи с этим обнаруживается несостоятельность утверждения: «...на этапе

присоединения Сибири к России происходило основание и формирование 1-х городских поселений» [1, с. 282].

В это время последний Тайбугид – Сейдяк, победив Али, уже занял пустующий Искер и чувствовал себя уверенно, поскольку находился в определенных отношениях с местной российской администрацией. На службу к Сейдяку перешел казахский царевич Ораз/Ураз Мухаммед¹, а сопровождавший его Кадыр Али-бек² стал карача-беем. Окрестные тюрки и угры признали власть Сейдяка и платили ему дань. Местная знать также поддержала Сейдяка, но сам он оказался простодушным человеком и слабым политиком.

По одной из летописей, летом 1588 г. Сейдяк, Ураз Мухаммед и Кадыр Али-бек забавлялись ястребиной охотой. Это стало известно Д.Д. Чулкову и тот пригласил правителя на пир, «чтобы во время охоты вести мирные переговоры»³. Сейдяк и его свита не стали нарушить исламского запрет на алкоголь – за это, как сообщал «Румянцевский летописец», «...поперхну в гортани его, богу бо их обличающу» [25, с. 35]. За отказ выпить чару вина Сейдяк, Ораз Мухаммед и ближайшие сопровождавшие его лица оказались связаны. Остальные перебиты, а оставшиеся за воротами воины бежали. С того дня Искер окончательно опустел, никем не заселялся и постепенно приходил в упадок. Так, даже заняв престол, Сейдяк не оправдал надежд Бухары [23, с. 293], но, одновременно, дав Кучуму мечту на восстановление утраченного.

В противоборстве коренного и пришлого населения не явно, но очевидно присутствовал религиозный фактор, поэтому каждый герой почитался именно единоверцами. Трагизм исторической ситуации состоял в том, что правители и лидеры противопоставляли людей с помощью религии.

Кучум кочевал по Степи, создавал новые укрепления [39, с. 192], собирал ясак и дружину, нападал на царские войска и даже бывших подданных, отказавших в поддержке. В 1595/1596 гг. Кучум попросил помощи у Абдуллы, но получил отказ, поскольку тот сам вел борьбу за Хорезм: «...если просил у нас рати, и мы те поры были в войне, для того и не послали есмя» [40, с. 22]. Бухарский правитель также осудил действия Кучума по отношению к одному из знатных ногаев: «Да слышали есмя, что вы взяли землю Авлия Мирзина, а он вам в присвоенье, а годное было то, чтоб вам помирися да у кафырей землю свою поймети, а только потому станете делать и вас кафыры осилеют и обезчествуют, а только нас похитите себе братственно имети и вы б с ним помирися и землю его отдали и потом бы так не делати и наша мысль то же добре дает, а в той же земле отцы ваши и братья были, и они все вкупе жили, а нынче земля вам досталось и вам было Авлию Мирзу

¹ Племянник казахского хана Тевекеля.

² Кадыр Али-бек Жалаири (Кадыргали б. Косым /Хушум/ б. Темшик-бахадур б. Аижшы-бахадур) – потомок сподвижника Чингиз-хана Сартак-нояна из рода джалаир.

³ Сейдяк поставил условие, чтобы на пиру присутствовало 500 его воинов. Русские согласились на сотню, а остальных оставили за воротами. Как образно заметил Г.Ф. Миллер, Чулков: «имел птиц на примане, осталось только накинуть на них сети».

имея себе за меншево брата место и землю ему отдати и то б счастию вашему добре достойно было, а нам то будет любо».

В повторном ярлыке Абдуллы к Кучуму присутствует еще более важная информация, свидетельствуя, что правители других мусульманских государств осуждали вражду единоверцев. Но время для консолидации упущено, а Кучум терпел поражения, совершал набеги на поселения и кочевья бывших подданных, перешедших под власть Москвы, что привело к краху. Его сын Али в 1601 г. принял ханский титул, но в 1608 г. сам попал в плен. Возглавивший затем династию и сопротивление брат Али Иш Мухаммад султан этого титула не принял: ханство уходило в историю, но осталось в сознании (и в праве на наследство) еще долго.

Кучум и Ермак остаются важными и, одновременно, трагичными фигурами сибирской истории XVI в., равно использовавшими методы военного завоевания, принуждения и, относительно, мирного освоения территории, являвшейся сферой политических и экономических интересов различных государств Евразии.

С конца XVI в. для «новых» – православных сибиряков символом «предопределенности» выступал соперник Кучума – Ермак, а богатый природными ресурсами край стал субъектом евразийских и мировых процессов. М.П. Чёрная заметила: «...присоединение Сибири в последней четверти XVI – XVII в. стало кульминацией почти тысячелетней истории русской колонизации и одновременно эпохой перерастания России в евразийскую державу, что обеспечило ее качественно новые геополитическое положение и исторические перспективы» [41, с. 7].

Список литературы

1. Историческая энциклопедия Сибири [в 3 т.]. Новосибирск: Издательский дом «Историческое наследие Сибири», 2009. Т. 1. 716 с.; Т. 2. 807 с.
2. Скрынников Р.Г. Экспедиция в Сибирь отряда Ермака. Л.: Издательство «Знание», 1982. 32 с.
3. Алишина Х.Ч., Калмаганова З.М. Народная этимология, отраженная в топонимических легендах и преданиях сибирских татар // Присоединение Сибири к России: новые данные: мат. Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Тюмень: Изд-во Тюменского госуниверситета, 2014. С. 52–54.
4. Пригожин И.Р., Стенгерс И. Время, хаос, квант. К решению парадокса времени. М.: УРСС, 2005. 312 с.
5. Котович Л.В., Якунина Е.А. Образ Ермака в учебной литературе (по материалам школьных учебников по истории России) // Присоединение Сибири к России: новые данные: мат. Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Тюмень: Изд-во Тюменского госуниверситета, 2014. С. 136–141.
6. Знаменский М.С. Исторические окрестности города Тобольска: соч. / сост. Ю.Л. Мандрика, пред. и прим. В.А. Рогачева. Тюмень: СофтДизайн, 1997. 384 с.
7. Жидков В.С., Соколов К.Б. Десять веков российской ментальности: картина мира и власть. СПб.: Алетейя, 2001. 631 с.

8. Солодкин Я.Г. «Ермаково взятие» Сибири: дискуссионные проблемы истории и источниковедения: монография. Нижневартовск: Нижневартовский государственный университет, 2015. 234 с.
9. Завалишин И.И. Описание Западной Сибири / предисл. Ю.Л. Мандрики. Тюмень: Мандр и Ка, 2005. 512 с.
10. Маслюженко Д.Н., Рябинина Е.А. Почему Кучум не стал защищать Искер? // Присоединение Сибири к России: новые данные: мат. Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Тюмень: Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 2014, С. 139–144.
11. Томилов Н.А. Тюркоязычное население Западно-Сибирской равнины в конце XVI – первой четверти XIX в. Томск: Изд-во Томского университета, 1980. 276 с.
12. Чернышов С.А. Формирование и развитие государственности народов Западной Сибири накануне и в начальный период русской колонизации: дисс. ... к. ист. н. Томск, 2017.
13. Бояршинова З.Я. Население Западной Сибири до начала русской колонизации. Томск: Изд-во Томского университета, 1960. 151 с.
14. Матвеев А.В., Татауров С.Ф. Сибирское ханство: военно-политические аспекты истории: монография. Казань: Из-во «Фэн» АН РТ, 2012. 260 с.
15. Исхаков Д.М. Тюрко-татарские государства XV–XVI вв. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, серия Bibliotheca TATARICA, 2004. 132 с.
16. Тихонов С.С. Чертежи С.У. Ремезова и изучение ханства Кучума (на примере «Хорографической книги») // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири: мат. II Всерос. науч. конф. / отв. ред. Д.Н. Маслюженко, С.Ф. Татауров. Курган: Издательство Курганского государственного университета, 2014, С. 6–10.
17. Быков А.Ю. Россия и Казахстан (XVII – XIX вв.) // Тюрколог. сб. 2002: Россия и тюркский мир / РАН, Ин-т востоковедения, Санкт-Петербургский филиал; редкол.: С.Г. Кляшторный, Д.Д. Васильев, В.В. Трепалов. М.: Восточная литература, 2003. С. 51–117.
18. Абдиров М. Хан Кучум // Простор. 1993. № 9. С. 203–208.
19. Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. М.;Л.: издательство Академии наук СССР; Институт истории АН СССР, 1948. 448 с.
20. Ярков А.П. Историография сибирско-башкирских контактов в религиозной сфере // Этнос. Общество. Цивилизация: II Кузеевские чтения: мат. Междунар. науч.-практ. конф. Уфа, 2009. С. 388–394.
21. Дополнения к актам историческим. Т. 1. СПб., 1846.
22. Миллер Г.Ф. История Сибири: [в 3 т.]. Т. 1. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН. 1999. 630 с.
23. Сибирские летописи / изд. Импер. археограф. комиссии. СПб.: Издательство: Тип. И.Н. Скороходова, 1907. 466 с.
24. Летописи Сибирские / сост. и общ. ред. Е.И. Дергачевой-Скоп. Новосибирск: Новосибирское книжное издательство, 1991. 271 с.

25. Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. 36. Сибирские летописи. Ч. 1. Группа Есиповской летописи / Предисл. Н.Н. Покровского, Е.К. Ромодановской. М.: Наука. 1987. 381 с.

26. Алишина Х.Ч. Дастан «Идегей» как источник этнолингвистической информации (к 75-летию Ф.В. Ахметовой-Урманче) // Сулеймановские чтения (тринадцатые): Тюркское средневековье Западной Сибири в современных исследованиях: материалы и докл. Всерос. науч.-практ. конф. Тюмень: Издательство Тюменского государственного университета, 2010. С. 154–157.

27. Трепавлов В.В. Сибирский юрт после Ермака: Кучум и Кучумовичи в борьбе за реванш. М.: Восточная литература; 2012. 231 с.

28. Казаки Тюменского региона от Ермака до наших дней (краткий очерк): колл. монография / под ред. А.П. Яркова. Тюмень: «Экспресс», 2010. 183.

29. Шерстова Л.И. Тюрки и русские в Южной Сибири: этнополитические процессы и этнокультурная динамика XVII – начала XX века. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2005. 312 с.

30. Mackinder H.J. The geographical pivot of history // *Geographical Journal*. 1904. Vol. XXIII. № 4.

31. Тишкин А.А. Создание периодизационных и культурно-хронологических схем: исторический опыт и современная концепция изучения древних и средневековых народов Алтая: монография. Барнаул: Алтайский государственный университет, 2007. 356 с.

32. Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.: Политиздат, 1991. 527 с.

33. Капитонов С. А., Ярков А.П. «Осевое время» Сибири // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири. мат. Междунар. конф. Курган: Изд-во Курганского государственного университета, 2011. С. 87–90.

34. Руденко С. И. Башкиры: ист.-этнограф. очерки. М.; Л., 1955. 394 с.

35. Собрание государственных грамот и договоров. Ч. 2: служащая дополнением к первой / Предисл. А.Ф. Малиновского. 1819. 612 с.

36. Пекарский П.П. Когда и для чего основан города Уфа и Самара // Сборник отделения рус. языка и словесности Императорской академии наук. Т. X. СПб., 1872. С. 19–20.

37. Небольсин П.И. Покорение Сибири. СПб.: В тип. И. Глазунова и Комп., 1849. 112 с.

38. Атласи Х.М. История Сибири / пер. с татар. А.И. Бадюгиной. Казань: Татарское книжное издательство, 2005. 96 с.

39. Томилов Н.А. Поселения тарских татар бассейна Тары // Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума. Т. 1. Новосибирск, 1996. С. 188–197.

40. Зияев Х.З. Экономические связи Средней Азии с Сибирью в XVI – XIX вв. Ташкент: Издательство ФАН Узбекской ССР, 1983. 167 с.

41. Чёрная М.П. Роль русского города в освоении Сибири: диалектика возможностей и исторической практики / Культура русских в археологических исследованиях: междисциплинарные методы и технологии: сборник науч. ст. под ред. Л.В. Татауровой. Омск, 2011. С. 326–336.

Сведения об авторе: Александр Павлович Ярков, доктор исторических наук, ведущий эксперт экспертного научного центра по противодействию идеологии экстремизма и терроризма Тюменского государственного университета (625003, Тюмень, Володарского, 6), e-mail: ayakov@rambler.ru

Дата поступления материала 28.12.2018.

Принят к публикации 14.01.2019.

**KUCHUM AND ERMAK:
TWO SCENARIOS OF THE SIBERIAN FRONTIER FOUNDATION,
AND IT'S REFLECTION IN THE FATES OF MUSLIMS**

Alexander Yarkov

*Tyumen State University
Tyumen, Russian Federation,
ayakov@rambler.ru*

Abstract. Frontire Muslims during the time of Kuchum and Ermak acted as subjectum and object of the action. Everything depended on the role envisioned for them, or that they themselves wanted to play in one or another historical situation. Even the composition of the opponents is aligned on religious grounds: in the side were not only Under Orthodox Slavs and Tatars, Mansi, Komi, «Lithuania» and «Germans» and Kuchum United under the banner of Muslims and «Gentiles» who later, in pursuit of their interests, refused to fight, preferring to be ruled by «infidels». In another camp, there were people driven not only to military duty, but thirst and adventurous adventurous.

For a long time have been weak politically space Siberia (our field research) lived continuously and/or migrated (moved), sometimes with a military objective, various groups of local and outsiders are Muslims. Siberian politii (Khanate, the Principality/ulus) United supporters archaic beliefs («Gentiles») and Muslims, but Islam did not become the State religion on this territory. More specifically, you can talk about the place of Muslims in the realities of Frontier Foundation in the process of occurrence (raznovremennogo and ambiguous) different parts of Northern Asia (and their populations) in composition from the Moscow State became Russian.

Keywords: XVI century, Siberia, Ermak and Kuchum, frontire Muslims.

For citation: Yarkov A. Kuchum and Ermak: two scenarios of the Siberian Frontier Foundation, and its reflection in the fates of Muslims. *Tyurkologicheskie issledovaniya =Turkological Studies*. 2019; 2(1): 76–92. (In Russ.)

References

1. Istoricheskaya ehnciklopediya Sibiri [v 3 t.]. Novosibirsk: Izdatel'skij dom «Istoricheskoe nasledie Sibiri», 2009. T. 1. 716 s.; T. 2. 807 s. (In Russian)

2. Skrynnikov R.G. EHkspediciya v Sibir' otryada Ermaka. L.: Izdatel'stvo «Znanie», 1982. 32 s. (In Russian)
3. Alishina H.CH., Kalmaganova Z.M. Narodnaya ehtimologiya, otrazhennaya v toponimicheskikh legendah i predaniyah sibirskih tatar // Prisoedinenie Sibiri k Rossii: novye dannye: mat. Vseros. nauch.-prakt. konf. s mezhdunar. uchastiem. Tyumen': Izdatel'stvo Tyumenskogo gosuniversiteta, 2014. S. 52–54. (In Russian)
4. Prigozhin I.R., Stengers I. Vremya, haos, kvant. K resheniyu paradoksa vremeni. M.: URSS, 2005. 312 s. (In Russian)
5. Kotovich L.V., YAkunina E.A. Obraz Ermaka v uchebnoj literature (po materialam shkol'nyh uchebnikov po istorii Rossii) // Prisoedinenie Sibiri k Rossii: novye dannye: mat. Vseros. nauch.-prakt. konf. s mezhdunar. uchastiem. Tyumen': Izdatel'stvo Tyumenskogo gosuniversiteta, 2014. S. 136–141. (In Russian)
6. Znamenskij M.S. Istoricheskie okrestnosti goroda Tobol'ska: soch. / sost. YU.L. Mandrika, pred. i prim. V.A. Rogacheva. Tyumen': SoftDizajn, 1997. 384 s.
7. ZHidkov V.S., Sokolov K.B. Desyat' vekov rossijskoj mental'nosti: kartina mira i vlast'. SPb.: Aletejya, 2001. 631 s. (In Russian)
8. Solodkin YA.G. «Ermakovo vzyatie» Sibiri: diskussionnye problemy istorii i istochnikovedeniya: monografiya. Nizhnevartovsk: Nizhnevartovskij gosudarstvennyj universitet, 2015. 234 s. (In Russian)
9. Zavalishin I.I. Opisanie Zapadnoj Sibiri / predisl. YU.L. Mandriki. Tyumen': Mandr i Ka, 2005. 512 s. (In Russian)
10. Maslyuzhenko D.N., Ryabinina E.A. Pochemu Kuchum ne stal zashchishchat' Isker? // Prisoedinenie Sibiri k Rossii: novye dannye: mat. Vseros. nauch.-prakt. konf. s mezhdunar. uchastiem. Tyumen': Izd-vo Tyumen. gos. un-ta, 2014. S. 139–144. (In Russian)
11. Tomilov N.A. Tyurkoyazychnoe naselenie Zapadno-Sibirskoj ravniny v konce XVI – pervoj chetverti XIX v. Tomsk: Izd-vo Tomskogo universiteta, 1980. 276 s. (In Russian)
12. CHernyshov S.A. Formirovanie i razvitie gosudarstvennosti narodov Zapadnoj Sibiri nakanune i v nachal'nyj period russkoj kolonizacii: diss. ... k. ist. n. Tomsk, 2017. (In Russian)
13. Boyarshinova Z.YA. Naselenie Zapadnoj Sibiri do nachala russkoj kolonizacii. Tomsk: Izd-vo Tomskogo universiteta, 1960. 151 s. (In Russian)
14. Matveev A.V., Tataurov S.F. Sibirskoe hanstvo: voenno-politicheskie aspekty istorii: monografiya. Kazan': Iz-vo «Fehn» AN RT, 2012. s. 260. (In Russian)
15. Iskhakov D.M. Tyurko-tatarskie gosudarstva XV – XVI vv. Kazan': Institut istorii im. SH. Mardzhani AN RT, seriya Biblioteka TATARICA, 2004. 132 s. (In Russian)
16. Tihonov S.S. CHertezhi S.U. Remezova i izuchenie hanstva Kuchuma (na primere «Horograficheskoy knigi») // Istoriya, ehkonomika i kul'tura srednevekovykh tyurko-tatarskih gosudarstv Zapadnoj Sibiri: mat. II Vseros. nauch. konf. / otv. red. D.N. Maslyuzhenko, S.F. Tataurov. Kurgan: Izdatel'stvo Kurganskogo gosuniversiteta, 2014. S. 6–10. (In Russian)

17. Bykov A.YU. Rossiya i Kazahstan (XVII – XIX vv.) // Tyurkolog. sb. 2002: Rossiya i tyurkskij mir / RAN, In-t vostokovedeniya, Sankt-Peterburgskij filial; redkol.: S.G. Klyashtornyj, D.D. Vasil'ev, V.V. Trepalov. M.: Vostochnaya literatura, 2003. S. 51–117. (In Russian)
18. Abdirov M. Han Kuchum // Prostor. 1993. № 9. S. 203–208. (In Russian)
19. Novosel'skij A.A. Bor'ba Moskovskogo gosudarstva s tatarami v pervoj polovine XVII veka. M.; L.: izdatel'stvo Akademii nauk SSSR; Institut istorii AN SSSR, 1948. 448 s. (In Russian)
20. YArkov A.P. Istoriografiya sibirsko-bashkirskih kontaktov v religioznoj sfere // EHtnos. Obshchestvo. Civilizaciya: II Kuzeevskie chteniya: mat. Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. Ufa, 2009. S. 388–394. (In Russian)
21. Dopolneniya k aktam istoricheskim. T. 1. SPb., 1846. (In Russian)
22. Miller G.F. Istoriya Sibiri: [v 3 t.]. T.1. M.: Izdatel'skaya firma «Vostochnaya literatura» RAN. 1999. 630 s. (In Russian)
23. Sibirskie letopisi / izd. Imper. arheograf. komissii. SPb.: Izdatel'stvo: Tip. I.N. Skorohodova, 1907. 466 s. (In Russian)
24. Letopisi Sibirskie / sost. i obshch. red. E.I. Dergachevoj-Skop. Novosibirsk: Novosibirskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1991. 271 s. (In Russian)
25. Polnoe sobranie russkih letopisej (PSRL). T. 36. Sibirskie letopisi. CH. 1. Gruppya Esipovskoj letopisi / Predisl. N.N. Pokrovskogo, E.K. Romodanovskoj. M.: Nauka. 1987. 381 s. (In Russian)
26. Alishina H.CH. Dastan «Idegej» kak istochnik ehtnolingvisticheskoj informacii (k 75-letiyu F.V. Ahmetovoj-Urmanche) // Sulejmanovskie chteniya (trinadcatye): Tyurkskoe srednevekov'e Zapadnoj Sibiri v sovremennyh issledovaniyah: materialy i dokl. Vseros. nauch.-prakt. konf. Tyumen': Izdatel'stvo Tyumenskogo gosuniversiteta, 2010. S. 154–157. (In Russian)
27. Trepavlov V.V. Sibirskij yurt posle Ermaka: Kuchum i Kuchumovichi v bor'be za revansh. M.: Vostochnaya literatura; 2012. 231 s. (In Russian)
28. Kazaki Tyumenskogo regiona ot Ermaka do nashih dnei (kratkij ocherk): koll. monografiya / pod red. A.P. YArkova. Tyumen': «EHKspress», 2010. 183. (In Russian)
29. SHerstova L.I. Tyurki i russkie v YUzhnoj Sibiri: ehtnopoliticheskie processy i ehtnokul'turnaya dinamika XVII – nachala XX veka. Novosibirsk: IAEHT SO RAN, 2005. 312 s. (In Russian)
30. Mackinder H.J. The geographical pivot of history // Geographical Journal. 1904. Vol. XXIII. № 4.
31. Tishkin A.A. Sozdanie periodizacionnyh i kul'turno-hronologicheskikh skhem: istoricheskij opyt i sovremennaya koncepciya izucheniya drevnih i srednevekovykh narodov Altaya: monografiya. Barnaul: Altajskij gosudarstvennyj universitet, 2007. 356 s. (In Russian)
32. YAspers K. Smysl i naznachenie istorii. M.: Politizdat, 1991. 527 s. (In Russian)
33. Kapitonov S.A., YArkov A.P. «Osevoe vremya» Sibiri // Istoriya, ehkonomika i kul'tura srednevekovykh tyurko-tatarskih gosudarstv Zapadnoj Sibiri.

mat. Mezhdunar. konf. Kurgan: Izdatel'stvo Kurganskogo gosuniversiteta, 2011. S. 87–90. (In Russian)

34. Rudenko S.I. Bashkiry: ist.-ehtnograf. ocherki. M.; L., 1955. 394 s. (In Russian)

35. Sobranie gosudarstvennyh gramot i dogovorov. CH. 2: sluzhashchaya dopolnieniem k pervoj / Predisl. A.F. Malinovskogo. 1819. 612 s. (In Russian)

36. Pekarskij P.P. Kogda i dlya chego osnovan goroda Ufa i Samara // Sbornik otdeleniya rus. yazyka i slovesnosti Imperatorskoj akademii nauk. T.H. SPb., 1872. S. 19–20. (In Russian)

37. Nebol'sin P.I. Pokorenie Sibiri. SPb.: V tip. I. Glazunova i Komp., 1849. 112 s. (In Russian)

38. Atlasi H.M. Istoriya Sibiri / per. s tatar. A.I. Badyuginoj. Kazan': Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo, 2005. 96 s. (In Russian)

39. Tomilov N.A. Poseleniya tarskih tatar bassejna Tary // EHtnografo-arheologicheskie komplekсы: problemy kul'tury i sociuma. T. 1. Novosibirsk, 1996. S. 188–197. (In Russian)

40. Ziyaev H.Z. EHkonomicheskie svyazi Srednej Azii s Sibir'yu v HVI – HIIH vv. Tashkent: Izdatel'stvo FAN Uzbekskoj SSR, 1983. 167 s. (In Russian)

41. CHyornaya M.P. Rol' russkogo goroda v osvoenii Sibiri: dialektika vozmozhnostej i istoricheskoi praktiki / Kul'tura russkih v arheologicheskikh issledovaniyah: mezhdisciplinarnye metody i tekhnologii: sbornik nauch. st. pod red. L.V. Tataurovoj. Omsk, 2011. S. 326–336. (In Russian)

About the author: Alexander Yarkov, Dr. Sci. (History), leading researcher of the Expert Scientific Center for Combating the Ideology of Extremism and terrorism of the Tyumen State University, Russian Federation, 625003, Tyumen, Volodarskogo, 6, e-mail: ayakov@rambler.ru

Received December 28, 2018.

Accepted for publication January 14, 2019.